

Серия «Огненные легенды»

Елена Абрамкина

ПЕСНЯ ДЛ ДЕВЫ—ОСЕНИ

Ростов-на-Дону

ЕНИКС

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1
КТК 650
А16

Художественное оформление Юлии Сергиенко

Абрамкина, Елена.

А16 Песня для Девы-Осени / Елена Абрамкина. — Ростов
н/Д: Феникс, 2026. — 286 с. — (Огненные легенды).

ISBN 978-5-222-44511-2

С детства знал Гришук-гуслиар немало сказок и песен, но особенно запала ему в душу история о том, как Дева-Осень платье сестрино подвенечное примерить решила да вместе с ним и судьбу ее на себя приняла. Только не думал он, что сказка эта с жизнью его сплетется и покой отнимет.

Давно бродит Ясна по свету, ищет колдуна, что от чужой доли ее избавит. Только что, если не колдун это вовсе, а парень простой?

Под силу ли тягаться с судьбой, если за душой всего-то и есть сердце верное да гусли звонкие? И что за сила могучая, перед которой сами боги голову склоняют?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.1

ISBN 978-5-222-44511-2

- © Абрамкина Е., текст, 2026
- © Сергиенко Ю., иллюстрация для обложки, 2026
- © ООО «Феникс», оформление, 2026
- © В книге использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Радостно на сердце, светло, так бы и взял гусли...»

Сюжет «Песни для Девы-Осени» развивается по вековым русским канонам. Добрый молодец, красная девица, чужая судьба, любовь, разлука, неволя, долгая дорога, неодолимые препоны на пути к счастью...

Сколько нам таких памятно с детства? А вот не скажете.

Главный герой, едущий на верной лошадке сквозь княжества разных времен года, — не Иван-дурак и не Иван-царевич, не богатырь с непобедимым мечом...

Он — гусляр.

И это куда круче.

Так совпало, что несколько лет назад я буквально прочесывала художественную литературу, выискивая образ русского гусляра. Обнаружила считанные упоминания. Да и те по принципу «слышал звон...». Что о гуслярах, что о гуслиях.

А ведь для предков гусляр был не просто потешником на посиделках. Его фигура порой становилась вровень с провидцами и волхвами. К вещим струнам прислушивалось мироздание, ведь, по легендам, гусли участвовали в изначальном Творении. Гусли вдохновляли на подвиг. С ними шли в бой. Их звуками возвращали к жизни раненых и больных. Гусляры несли сквозь века нашу историческую память, зашифрованную в сказах, песнях, былинах...

Важно ли все сказанное для фэнтези?

Еще как важно. Фэнтези — это не «что хочу, то ворочу». Русский фольклорный, сказочный мир не может быть «всего лишь декорациями» для лихого сюжета. Произвольное обращение с реалиями рождает неизбежную фальшь, а ее наш читатель чувствует безошибочно. И это — одна из проблем современного славянского фэнтези. А если брать шире — фэнтези этнического.

Оно не имеет права быть легковесным одноразовым чтивом. Святой долг автора, взявшегося за этнику, — творя сюжет и героев, еще и восславить национальную культуру, вызвать к ней уважение и интерес. А разве это возможно без основательных знаний? Без знаний легко только порицать...

Простите за столь обширное вступление. Оно объясняет, почему, оказавшись одним из ведущих на Литмастерской Сергея Лукьяненко, я очень, очень пристрастно читала произведение Елены Абрамкиной. Находила поводы для придирок, но, к своей радости, фальши не обнаружила. Автор действительно любит то, о чем взялся писать. И эта любовь зиждется на стремлении познавать. Доходить до сути вещей.

Потому-то сказочные существа, с которыми авторская воля сводит героя, не выглядят картонными пародиями на себя настоящих. Они оживают, обретают характеры и судьбу. Вот гуслир вместе с лешим поднимает чарку хмельного меда — за Землю-матушку, кормилицу и защитницу. Вот делит хлеб с домовым, потерявшим свой дом. Вот слушает жалобы кикиморы, обиженной бессовестным человеком...

И мы им верим, мы им сопереживаем. Про них интересно читать.

Песня для Девы-Осени

Но все-таки, познакомившись с автором лично, я первым делом спросила, держала ли Елена в руках гусли. И знаете что? Ради «Песни для Девы-Осени» она приобрела инструмент и брала уроки игры! Это ли не показатель авторского отношения к тексту?

Гусельные звоны ведут героя вперед, не позволяют пасть духом, помогают сворачивать горы и останавливать бури, а главное — творить добро, обретая все новых друзей. Никому не сгубить русского гуслира, когда его сама Земля хранит от беды!

Мелькают страницы, бегут пальцы по струнам: «Там дернут, здесь заглушат — и вот уже трель птичья раздаётся, капель лесная звенит, ветер ветвями шумит. И столько в этой игре радости весенней, столько любви к жизни, солнышку яркому, цветам, травам, каждой живой душе...»

Прочтите эту книгу, не пожалеете.

Может, тоже к гуслиам потянетесь...

**С уважением,
Мария Семёнова**

Пролог

В давние времена, когда юг радовал урожайным полем, а север пугал непроходимыми чащами, когда стояли во всем мире одни избы да терема, когда одной сказкой люди подпоясывались, а другую по вороту клали узорной вышивкой... В те времена ходили по земле слепые старцы и за кров и хлеб пели песни чуждые, собранные ими в южных полях и в северных лесных деревеньках, в избах и теремах, в жизни и в сказках. Слушали слепых сказителей внимательно, дивились, да не перечили, песню прерывать не смели.

Молча слушали всей деревней в лесной избе слепого сказителя. Девушки вздыхали и слезу утирали украдкой, парни ус первый теребили, а старики все на хозяев поглядывали — не прервут ли? Но улыбалась за прялкой, качая колыбель, молодая хозяйка, и молчал, поглаживая русую бороду, хозяин. И только ребятишки на полу у печи тихонько спорили.

— Тятя не так сказывал, — наклонившись к брату, шепеляво шептала большеглазая румяная девчушка.

— Известное дело, не так, — с важным видом кивал тот.

— Неправильная, значит, у дедушки сказка, — не унилась девчушка.

— Известное дело, неправильная, — соглашался брат. — Правильную только тятя и матушка знают.

Песня для Девы-Осени

— Так чего же ты, Ярка, молчишь?! — теребя пояс и ерзая на полу, зашипела девчушка. — Надо ж людям правду сказать!

— Тятя молчит, значит, надобно так, — все с тою же важностью отвечал брат. — И ты молчи, Мира, уважение к старости имей.

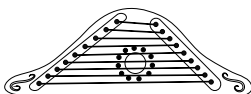
— Как же тут молчать, коли неправда это?! — всплеснула руками Мира и от волнения принялась трепать край пояса.

— А вот так и молчать, — усаживая сестру ровно, прошептал Ярка. — Закончит дедушка петь, тятя его и поправит. Сядь спокойно, Мира.

Девчушка притихла, прислушалась к речам старца, но долго усидеть не смогла.

— А коли не поправит? — поворачиваясь к брату, снова зашептала Мира.

— Не вертись! — Яр сердито глянул на сестру. — Коли не поправит, значит, так надобно.

Зачин

Всю ночь не смыкала Ясна глаз над шитьем, зарю сторожила. Не устерегла, проснулась, когда солнце уже пошло по полям свежим снегом поскрипывать. Вскочила, подхватила платье, скатным жемчугом шитое, и бросилась за ворота сестру кликать:

— Гордана! Горданушка, сестрица! Забери платье, милая, не в пору оно мне!

Идет сестра молча, листья золотые с веток сдергивает и точно не слышит. Может, и в самом деле не слышит? Далеко ведь ушла уже, едва видна в морозной дымке, но знает Ясна: слышит ее сестра. Каждый год на заре, как осень с зимой меняются, проходит Гордана молча мимо сестрино двора, забирает с веток последние золотые березовые монетки, ни в гости не зайдет, не остановится, сколь ни кричи: крепко обиделась.

Мечется Ясна по двору, зовет слезно, да все без толку. Уж и догнать пыталась не раз, все одно — уходит Гордана и головы не повернет. Вот и сейчас: неужто не обернется?

— Гордашенька, родная моя! Все жемчуга и камня забирай, ничего мне не надо! Только ленточки мои красные отдай, милая!

Уходит молча в снежную даль темнокося Гордана, алые ленты на солнце прощальными всполохами играют. Заплакала Ясна, за сестрой кинулась:

— Сестрица, и Мороза своего забирай! Не муж он мне и никогда мужем не станет!

Песня для Девы-Осени

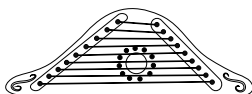
Замедлила шаг Гордана, голову чуть повернула — у Ясны сердце так и зашлось. Любит Гордана Мороза, долго горевала, когда сестра беспутная жениха ее свела.

— Гордашенька, правду говорю! Ни дня не жили с ним как жена с мужем! Не люб он мне, я на платье твое польстилась, а о женихе и не помышляла!

Сорвала Гордана гроздь алую с рябины, потрянула косой и дальше пошла.

— Гордана! Меня не жалеешь, так хоть Мороза пожалей! Почто ему такая жена?! Он ведь тебя одну любит!

Ушла Гордана, растаяла в тумане над рекой, последние листья с собой унесла. Долго стояла Ясна посреди дороги, вслед сестре смотрела, платье проклятое в руках теребила. Едва бусины не пообрывала, вовремя опомнилась.

Глава 1

*Белая лебедушка по полю летала,
Белою периной землю укрывала.
Жемчуга-слезинки да поверх роняла,
Милую сестрицу горько выкликала.*

Гришук вслед за дедом, отдуваясь, вошел в избу, бросил на лавку связку шкур и протопал к печи.

— Что, студено нынче на дворе?

— Студено, Марфуша. — Дед Наум снял валенки и тоже прошел к печке. — Ты тулуп-то скинь, Гришутка, быстрее согреешься.

Бабка глянула на шкуры и покачала головой:

— Ишь, зверья-то сколько морозом побило!

— И деревьев много застудило, — вздохнул дед, ставивая с Гришука покрытые снежной коркой рукавицы. — Больно люто нынче.

— А чего она такая непонятная, зима эта? — Гришук с трудом шевелил заочеченными губами. — Давеча капель была, а сегодня зубы сводит от мороза.

Бабка достала из печи горшок с топленым молоком, поставила на стол хлеб и мед.

— Попей-ка молочка, согрейся. А я расскажу.

Гришук обхватил непослушными с мороза пальцами глиняную кружку и жадными глотками принялся пить. Бабка подвинула ему ароматную краюху и присела на лавку.

— Было у Матери-земли и Отца-неба четыре дочери, четыре радости. Старшая звалась Горданой, была она статной по-царски, белолицей по-королевски, строгой и холодной по-зимнему. Вторая сестра, Ясна, была румяной, длиннокозой да характером переменчивой: то смехом звенит на весь дом, а то сядет у окошка тихонечко, пригорюнится. Любила она в осенний час листья золотые на лету ловить да прятать под шубкой, чтоб мороз их не прихватил, а вечерами песни слушать у очага. Третья, ласковая и нежная, Ладой звалась, и пуще всего любила она солнце да лето жаркое. Меньшую же сестру звали Весняна, была она легкой и смешливой, точно ручеек, и больше всего любила ту пору, когда на деревьях просыпался первый листок.

Крепко дружили три младшие сестры, по полям и лесам вместе танцевали, первоцветы из-под снега пробуждали, ветки березовые завивали, рожь на полях заплетали. Лишь Гордане их забавы нелюбы были, сидела она за рукодельем да все белым по белому шила. Иной раз позовут ее сестры на луг травы собирать или платьями предложат поменяться, она только сердится да к себе уходит. Но не серчали сестры, любили холодную и гордую сестру и почитали ее за мастерство рукодельное.

Однако время девичье быстро пролетает, не все по полям-лесам резвиться — пришла пора сестрам женихов подыскивать. Недолго отец с матерью сватов ждали: на ладный товар и купцы сами слетаются. В одно лето всех дочерей просватали. Высватал Весняну веселый сладкоголосый Май, полюбился ему ее звонкий, переливчатый смех. Сыграли свадьбу, и увез он Весняну в свое королевство, куда солнце спозаранку заглядывает. Ладу сосватал ласковый и светлый Юн и увез в те края, где солнце обедать останавливается. К старшим сестрам

в один день сваты пришли: Ясну Златомир-богатырь сосватал, а Гордану — сам князь Мороз, известный богач и рачитель.

Решено было в один день старшим сестрам свадьбу играть, уехали женихи восвояси, а Ясна с Горданой наряды свадебные расшивать сели: Ясна золотом да яхонтами, а Гордана — жемчугами да камнями драгоценными, что Мороз невесте своей преподнес.

У Горданы строчки ровно ложатся, бусинка к бусинке лхнет, а у Ясны от волнения то ленты спутаются, то нитки порвутся, то бусины по полу раскатятся. Шутка ли — замуж идти, отца с матерью оставлять! С мужем не ночь коротать — век вековать. А как не полюбится ей со Златомиром жить? Мать говорит — слюбится, Гордана ей вторит — стерпится, да только не хочется ей, молодой да красивой, ждать да терпеть, а надобно, чтоб, как в сказке, с единого взгляда сердце вспыхнуло. Красив лицом Златомир, слава о нем до краев земли дошла, одна беда — где не увидит зеркало, zalюбуется на себя, точно девушка. Не по нраву Ясне, что не на нее, а на себя жених любит, на себе брошь золотую поправляет, а на невесту молодую лишь раз глянул.

«И почто такому жена? — гадала Ясна. — Чтобы брови чернить научила да щеки свеклой натирать?»

Мается, бедная, сама не знает, рада ли нет скорой свадьбе. Сядет, бывало, у окна, и гадает: коли первой голубка покажется — люб ей Златомир и она ему любя, а коли ворона серая — не люб и не слюбится никогда. Только за окном ни голубок, ни ворон — листья золотые на ветру кружатся.

Меж тем близится час заветный. У Горданы платье уж давно готово, а Ясна все никак последние бусины прила-

дить не может: и так не ложатся, и эдак. Расплакалась, бросила шитье, отвернулась прочь — глядь, а у стены сестрино платье висит. Тысячи свечей в драгоценных бусинках пляшут, кружево точно инеем соткано, тонкое да воздушное, так и манит. Подошла Ясна, провела рукой по бусинкам, прокатила между пальцев бахрому жемчужную. Холодное. Да ведь и в горнице не тепло.

«Ну, до чего же у Горданы все ладно выходит! — вздохнула Ясна. — И хоть бы одно платье примерить дала!»

Любили они с младшими сестрами платья друг друга примерять да у зеркала крутиться. Гордана же ни платьев, ни украшений своих никому трогать не позволяла — все в сундук, все под замок! Вот и теперь — ушла матери помогать и настрого запретила на платье даже смотреть.

«И как на него не смотреть? На всю горницу так и сверкает! Все платья у Горданы хороши, а лучше этого, кажется, и в мире нет! — обиделась Ясна, а сама все пальцами бусинки поглаживает. — Вот выйдем замуж, разведемся в разные стороны, и тогда уж вовек платья Горданиного не померить, не разгадать, отчего на нем камения ярче солнца сверкают! Знала бы, может, и свое бы поняла, как закончить».

Огляделась Ясна, сарафан скинула да платье сестрино схватила — холодное, тяжелое, словно льдом шитое. И повесила бы назад, но больно манит, и в голове все крутится: «Вот выйдем замуж, разведемся в разные стороны...» Зажмурилась Ясна и в платье Горданино, точно в прорубь, нырнула — холодом так и охватило, аж сердце замерло. Открыла глаза, оглядела себя: нет, не красит ее наряд чужой, слишком бледно да холодно платье для красоты ее осенней. И морозит так, что дух захватывает.

«Никак, и в самом деле Гордане жених ледышек вместо камениев поднес!» — прыснула Ясна смехом да стала

платье снимать, а оно точно приросло к рубахе. Стала ленту расплетать — не расплетаются, в волосах путаются, только сильнее завиваются. Испугалась Ясна, закричала, да не те услышали. Распахнулось окно, влетел князь Мороз, подхватил ее и умчал из родного дома. Уж и кричала она, и плакала, и ласково молвила, что чужую он невесту взял. А Мороз ей в ответ: «Умела чужое платье надеть, умей и судьбу чужую носить».

С той поры живет Ясна у Мороза в тереме: жена не жена, невеста не невеста — закроется в покоях своих, мужа знать не желает, слезы горькие льет. И жалко ее Морозу, да поделать ничего уж не может: не простые то жемчуга и камни были — мороженые. Страшную клятву с Горданы Мороз взял, когда подарки дарил, не ведала о том Ясна, только теперь уж поздно плакаться: нет у жены Морозовой пути обратного, век с ним рука об руку идти сквозь стужу и метели, мир зимой от беды хранить.

— А Гордана что? — Гришук, забыв жевать, слушал бабку.

— А что Гордана? — Марфа пожала плечами. — Так и осталась в девках. Долго горевала, сестру кляла, да ничего не попишешь теперь.

Гришук подобрал со стола крошки и посмотрел на кружку с молоком.

— Ну, так пришла бы к сестре, забрала платье свое — и делов!

— Э-э, не-е... — протянул дед, подливая Гришуку горячего молока. — Сказано ж тебе, непростое то платье, а цельная судьба. А судьбу переписывать особая сила нужна, коей ни у Горданы, ни у Ясны, ни у самого Мороза нет.

Гришук аж хлеб выронил:

— Это что ж за сила такая, что и у самого Мороза нет?!

— Да кто ж ее знает, — дед пожал плечами и потянулся к меду.

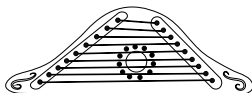
Бабка подвинула ему миску и отрезала свежую краюху, но Наум поднялся и отдал кружку жене.

— Сядь, Марфа, отдохни, тоже умаялась. А я пойду баню истоплю: надо Гришутку попарить как следует, да и нам с тобой кости погреть не лишнее будет.

Что-то блеснуло в уголке бабкиного правого глаза — того, что бельмом затянут, — скатилось по щеке и булькнуло в кружку, но Гришук, занятый хлебом и мыслями о сказке, того не заметил. А и заметил бы — не понял: малой еще.

— А где в этой сказке про зиму-то нашу? — выбирая краюхой остатки меда, спросил он наконец.

— Да как же это? — удивилась бабка. — Вся сказка о том, что не свое платье надела Ясна, оттого и мается: Мороз-то все укроет, как надобно, льдом скует, а она растопит слезами горячими так, что листья распускаться начнут и Весняна с удивлением за ворота выглядывает — не пора ли? А осень у нас оттого злая и ветрами суровая, что обидно Гордане в девках ходить — как начнет лист на деревьях золотом покрываться, вспоминается ей свадьба разладившаяся да сестра бестолковая, пуще прежнего обида берет. И пойдет она тогда листья с веток раньше сроку срывать да в лужах холодных топтать, чтоб скорее уж лес застыл в узорах зимних, так ею любимых. Каждый год проходит Гордана мимо терема Морозова, каждый год старается Ясна сестру догнать и платье ей вернуть, только ни одна отдать, ни другая забрать не могут. Ну, да полно сказок, собирайся в баньку.

Глава 2

*Некому лебедушку в поле услыхать,
Некому голубушку в белом приласкать.
Полечу я по полю к светлому окну,
На дворе широконьком крылья я сниму.*

— **А** авай, Гришук, не чокаясь Марфу нашу помянем, — вздохнул дед, опрокинул стопку самогона и принялся утирать слезы краем рукава.

Вроде и говорит, что от самогона — мол, ядреный он у Еремеевны, — да у самого больно нос шмыгает. Знает Гришук: не от самогона дед плачет. Уж одиннадцатая осень пошла, как схоронили они бабу, да дед все никак не привыкнет: то кружку третью на стол поставит, то сахару кусок для нее припрячет, а то вдруг нитку бус с ярмарки притащит. А как вспомнит, некому бусы те подарить, гонит внука за самогоном к Еремеевне и теми же бусами расплатиться велит.

Гришуку порой тоже тяжело без бабки: щи варить худо-бедно научился, да все не те, и пироги не те, и каша. А горше всего без сказок бабкиных. Хоть и стыдно, взрослый уже, на вечерки ходит, на девушек глядит, а все нет-нет да вспомнит, как зимними вечерами бабка ставила на стол мед и молоко и принималась рассказывать то про деву-птицу, то про лешего, то про знахаря из соседнего села. Но чаще всего вспоминается та, что про чужое платье, да вот беда: ни одного имени Гришук припомнить не может. По первости, бы-

вало, деда просил рассказать, да тот только отмахивался и за стопкой тянулся, Гришук и отстал. А как старше стал, сделал себе гусельки звонкие, обучился сам сказки под них сказывать да песни певать.

Полюбились деревенским его песни и сказки, все гусляра привечали, на каждый праздник звали, на плату не скупились. Раньше жили с дедом тем, что лес послал, а теперь все купить могут: и муки, и мяса, и сладостей ярмарочных, да только много ли двоим надо? Избу подновили, лошадь с телегой взяли и живут себе тихо.

— Взрослый ты уже совсем, Гришук, — вытерев наконец слезы и хитро прищурившись, протянул дед.

Знал Гришук, к чему дед Наум такие разговоры заводит. Как минул Гришуку девятнадцатый год, принялся дед ему про жену говорить: мол, пора бабу здоровую да работающую подыскать.

— Нельзя мужику одному жить, Гришук, дичает наш брат без бабы.

Дед потянулся вторую стопку налить, но Гришук не дал, убрал бутыл в сундук, на замок запер, а ключ к себе на пояс повесил:

— Полно, дед. Помянули — и будет. Забирайся на печь, а я пойду. Нынче именины у Яровых, звали поиграть. Ложись, не жди, я избу запру.

— Вот и славно. — Дед сразу повеселел и, кряхтя, полез на печь. — Заедь там на выселок, Епифану шкуры отвези.

— Отвезу. — Гришук закинул гусли за спину, взял шкуры и задул лучину. — Спи, дед.

— Что делать в старости, только спать и остается. — Наум забрался на печь и принялся трясти одеяла. — А твое дело молодое. Погуляй, повеселись да к девушкам приглядишься. Пора, Гришук, покуда у меня еще ноги ходят, сосва-

тать за тебя красавицу-умницу. А то помру, так бобылем и останешься.

— Спи, дед, — повторил Гришук и вышел за порог.

Не по душе были ему разговоры дедовы. Хоть и выются девки вокруг молодого гусяра, хоть и звенят колокольчиками серебряными голоса их под гусли, да только одно дело петь да плясать, а другое — хозяйство вместе ладить. И живут вроде небедно: в соболях ходят, кисель медом со своей пасеки заедают, изба крепкая, да не каждая рада будет к ним пойти. Глубоко в лесу их изба, верст десять до села, к подружкам не находишься, на ярмарки не наездишься — Гришук целыми днями в лесу пропадает, а вечерами гусярничает. Дед Наум к старости ворчлив да капризен стал, что дитя малое, с ним целые дни сидеть ни у кого мочи не станет, а как помрет, и того хуже будет одной в лесу дремучем. Почто Гришуку жена, которая станет за глаза его лучшим звать да всю жизнь поминать, что с людьми разлучил? Он бы, может, и посватался, коли нашел бы такую, от которой сердце заходится (так дед о бабке в молодости говорил), да где ж такую возьмешь? Все села окрестные обошел с гусярами Гришук, даже в город на ярмарку не раз и не два шкуры возил, да все не глянется никто.

«Заеду наперво к Епифану, у него две дочки на выданье. Они и от людей вдали жить привыкшие — выселок-то три двора, — и старшая собой вроде недурна. Прокатимся вместе до села, все веселее, чем одному», — решил Гришук и пошел лошадь запрягать. Застелил телегу шкурами, бросил кульки орехов да ягод сахарных и поехал на выселок.

Едет и диву дается: уж давно вересень¹ на дворе, а на деревьях все листья зеленые. Только на веточках, что к самой дороге клонятся, золотые монетки блестят.

¹ Вересень — одно из древнерусских названий сентября.

«Знать, поздняя зима нынче будет, — смекнул Гришук. — Может, и правда, жениться успею».

Налетел ветерок, натряс полную телегу золотых монеток березовых. Остановил Гришук лошадь, к лесу повернулся:

— Никак и ты меня женить решил, что полную телегу золота насыпал! Так помоги же невесту выбрать, чтоб и тебе по вкусу пришлось, чтоб не обижал ее, покуда меня дома нет.

Зашумел лес, бросил гроздь рябины в телегу, Гришука в спину ветром подтолкнул, мол, поезжай. Рассмеялся Гришук, поднял рябину, на лавку положил.

— Смотри же, старый, чтоб не тебе одному, а и мне любя была! С Ягой жить не стану!

Тронул коня, быстрее поехал. Радостно на сердце, светло, так бы и взял гусли. Одна беда: кто лошадью править будет? Да только разве ж это беда для молодого парня — Гришук и без гуселек петь горазд. Звонят бубенцы на всю округу, а громче их голос молодой сильный разливается. И лошадь веселее пошла, лес кругом ветками машет, точно девушки лентами. Танцуй-пляши, березняк молодой да старый! Едет твой Гришук невесту себе смотреть!

*Как по лесу ехал парень молодой,
На лошадке да на резвой, на гнедой.
Ехал-ехал молодёц тот неспроста,
Ехал малодёц невестушку искать!
Эй, дед Лесовик, выводи дочерей,
А я выберу из них да порумяней, постройней!
Не возьму я твою рыжую сосну,
Как с сосной в смоле-колючках не усну,
Не возьму березу в жены, не проси,
У нее вся кожа белая в грязи!*

*Эй, дед Лесовик, выводи дочерей,
А я выберу из них да порумяней, постройней!
С хмурой елью жизнь веселую не жить,
Она всякого горазда схоронить!
И осина чересчур твоя тонка,
У иной потолще левая рука!
Эх, дед Лесовик, разгоняй дочерей,
На деревне девки краше, и румяней, и стройней!*

Так и влетел с бубенцами на двор к Епифану. А как влетел, так и застыл. Стоит у ворот девица, точно из сказки вышла: стройная, что твоя осинка, коса русая до земли вьется, глаза, что озера бездонные, щеки солнце заходящее так румянцем и разрисовывает. Подавился Гришук песней залихватской, с телеги насилу спрыгнул, да дальше ни шагу, все смотрит на девицу. Храпит лошадь от быстрой езды, трясет головой, звенят бубенцы под дугой — ничего не слышит Гришук, только сердце так и грохочет в груди, точно молот в кузне.

«Как увидел я Марфу, так и встал столбом посередь улицы, и дышать забыл, — вспомнился Гришуку рассказ Наума, — не то что дорогу, только сердце в груди забухало сильно так, да во рту, как с похмелья, пересохло. Испугался, жуть, думал — помираю! Насилу до дому доплелся, брату старшему рассказал. А тот как давай хохотать!

Вспомнился Гришуку рассказ Наума:

— Не помираешь ты, — говорит, — дурень! Любовь это! Иди к отцу да проси сватов засылать, покуда не опередил тебя кто».

«Не соврал дед», — подумал Гришук, а сам взор отвести страшится: девица как есть сказочная, вдруг пропадет.

— Гришук! Гришук приехал! — зазвенели в доме девичьи голоса, и на крыльцо выбежали две дочери Епифа-

на: румяные, смешливые, в веснушках озорных. Про старшую, синеглазую Арину думал Гришук, едучи через лес. Да не во сне ли то было?

— В дом пошли, негодницы! — прикрикнул на них Епифан. — Не по ваши души он приехал. Знать, шкуры привез.

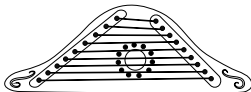
Рассмеялись девушки, в дом не торопятся, знают: не всерьез отец строжится.

— Припозднилс я ты, Гришутка, — чуть подаваясь вперед и притворно вытирая щеки шитым рукавом, прошептала Арина. — Сосватали нас обеих.

И снова рассыпался девичий смех по крыльцу бубенцами, шаги Епифановы заглушая. А Гришук точно не слышит да не видит их: одна девица длиннокосая перед глазами застыла, точно зайчишка загнанный, глядит на него озерами ясными, губки нежные так и манят. Вышел на крыльцо Епифан, глянул коротко и сразу все понял: смягчились черты суровые, стоит, бороду оглаживает, говорить не торопится. Дочери тоже приумолкли, с Гришука на девицу глазами бегают. Скрипнула доска под сапогом Епифана, встрепенулась девица, косу русую подхватила да со двора опростью бросилась.

— Идите, негодницы, собирайтесь, — тихо произнес Епифан. — Поезжайте, повеселитесь напоследок. Да Ясну с собой возьмите.

Переглянулись девушки, смехом прыснули и тоже со двора помчались.

Глава 3

*На дворе широконьком уткой обернусь,
Под людскую плеточку головой склонюсь,
Лишь бы на крыле чужом в поле не летать
Да чужого лебеда перья не ласкать.*

— **Х**ороша? — Епифан отпер Гришуку дверь и кивнул в сторону забора.

Гришук плечами повел, а сам и не знает, как ответить: хороша так, что дух захватывает, да Епифановых дочек обидеть боится. Рассмеялся Епифан, хлопнул гостя по плечу.

— Ничего, Гришук, не робей, мои-то теперь просвата-ны. Говори как есть, не осерчаю!

— Хороша, — выдохнул Гришук, а сам точно хмельной: улыбка так и пляшет на губах.

— То-то и оно, что хороша, — помрачнел Епифан, жене знак дал, чтоб на стол собрала, а сам Гришуку на лавку кивает. — Ты никак шкуры привез? Давно Наум обещал, да что-то припозднился.

— Неможется ему, старый уже, — откликнулся Гришук. — А я один все не успеваю.

— Оттого и не успеваешь, что один, — выдохнул Епифан в бороду. — Давай, чего там у тебя нынче?

Гришук разложил шкуры на столе, огладил широкой ладонью, точно по струнам, по шерсти прошелся и с любовью произнес:

— Соболь, две лисицы и куница.

Заблестел под заходящим солнцем мех, заиграл — загорелись глаза у Епифана, руки сами потянулись шерсть переливчатую между пальцев пропустить, но осадил себя, схватил вместо шкур кружки с квасом, одну перед Гришуком поставил, из другой сам отпил да принялся бороду густую с первой проседью перебирать.

— Хороши! Лисицы как раз дочерям на воротники будут: такие же рыжие. Соболя себе на ворот пушу, куницу — Настасье на шапку. — Он снова глотнул квасу, крикнул в ус и остро глянул на Гришука. — Что хочешь за них?

Спросил Епифан да прищурился: тяжелое дело — с Гришуком торг вести, знает, черт лесной, что лучше этих шкур и на городской ярмарке не сыскать, а пуще того, знает цену своему да дедову труду. Лишнего не возьмет, но и своего не спустит. Сидит Епифан, пальцы в бороду запустил и подсчитывает, сколько он готов за шкуры нынче отдать: и хороши, да две свадьбы на носу, сильно-то деньгами не рассыплешься.

Только у Гришука одно на уме — девица у ворот Епифановых. И само с языка слетело:

— Отдай за меня ту, что я у ворот встретил.

— Ясну отдать? — нахмурился Епифан, сильнее принялся ус крутить, головой качает, а Гришук того и не видит, сидит, имя новое на языке катает да все за окно поглядывает: не покажется ли снова?

А имя необычное: и солнце в нем радостное, и тоска непроглядная, что душу по осени так и бережит, и ветерок свежий в роще над рекой, и шелест огня в очаге, и точно пахнет оно пряно листвою прелой да первыми заморозками.

«Ясна... — улыбается Гришук сам себе. — Ясная, как небо лазоревое, как вода родниковая. А ведь и правда, глаза у тебя, краса моя, ясные-ясные!»

А Епифан меж тем жене махнул, чтобы прочь пошла, сам дверь за нею затворил да к Гришуку ближе подсел.

— Ты, Гришук, сперва бы брод разведаль, а потом в реку совался. На девку эту каждый смотрит — хороша, что греха таить, — да никто в жены-то брать не торопится.

— Отчего так? — удивился Гришук, а сам все глаза ее вспоминает. — Али больна чем?

Хлопнул Епифан его по плечу, квасу подлил.

— Давно ты в наши края не захаживал, а вас с дедом лес, видать, от слухов-то бережет. По весне еще, может знаешь, выселок у Горючего выгорел начисто. Часть народу в Горючее перебралась, а часть сюда. Пришла и Ясна, да сразу на выселок, минуя село. Всего добра — одно платье да лента в волосах. Попросилась в пустую избу, что от кузнеца старого осталась, и тихонько, незаметно осваиваться стала, а к началу лета смотрим — и огородик засеять успела, и крышу худо-бедно подлатала. Словом, обжилась.

«Как есть из сказки вышла, — подумал Гришук. — Ведь это только в сказках и бывает, чтобы красавица еще и умницей ко всему была».

Епифан квасу хлебнул, зыркнул за окно да снова к Гришуку вернулся.

— Обжилась, значит, тихонечко, с соседями приветлива, ласкова. Дочки мои с ней сдружились крепко и упростили меня взять ее в работницы. Да я бы и так помочь не против: девушка она хорошая, только та от дарового отказывается — мол, не калека, не нищенка убогая, могу хлеб трудом своим заработать. Ну, воля твоя, говорю, помощница Настасье и вправду нужна, хозяйство-то большое, а наши лебедушки уже на крыло встали, им не до дому родного. И взял Ясну жене помогать. Так и живем с той

поры: было две дочери, а теперь, почитай, три. — Епифан усмехнулся в бороду, руками развел. — Да только не так все просто с Ясночкой оказалось. Небось заметил — невестелá ходит?

Слушает Гришук, головой качает — куда ему такое подмечать, он в глазах ее утонул, едва дышать по новой научился.

— Эх, молодежь! — Епифан по-отечески потрепал Гришука по косматой голове. — На красоту-то вы горазды рты раззявить, а что не цветет красота эта, а печалью окутана, того и не замечаете. Ну, так слушай. Может, хоть ты не испугаешься. — Отхлебнул Епифан из кружки глиняной, снова за окно взгляд бросил да вздохнул тяжело, точно умаялся за день. — Как стали к нам на двор парни ходить да на Ясну заглядываться, я сперва сердился, спрашивал всех — сам понимаешь, своих пристроить надобно было. Ну да девоньки-то мои тоже видные, к концу лета обеих сосватали и снова по Ясну пошли. Позвал я ее тогда, посадил вот здесь, как тебя, да и говорю, мол, я тебе, конечно, не отец, неволить права не имею, но ежели ты о приданом горюешь да оттого одному за другим отказываешь, то не печалься, мы, чем богаты, поможем, как дочь родную под венец снарядим. Упала она мне в ноги, плакала горько, благодарила, батюшкой называла, аж у меня, старика, слезу выдавило. Да и рассказала Ясна нам с Настасьей, что не от бедности печальна ходит. Были у нее на тех выселках и женихи, и приданое богатое, да, вишь ты... Один сосватал, а как в церковь ехать — упал с лошади, шею-то и свернул. Погоревали, да что поделать, не воротишь уж, снова стали сваты ходить. Просватал другой парень, но этот и до свадьбы не дожил, точно в канун на реку пошел с ребятами и упал с моста, вода-то холодная, пока доставали, околел весь. Шептаться стали деревенские, мол, судьба, знать, у дев-

ки немужней быть. Но нашелся один, кто не стал пересудов слушать, просватал, женился, жить даже стали душа в душу. Да только и это счастье недолгим было: пошел раз он в лес и не вернулся. Местные три седмицы искали, а потом весть дошла из соседнего села, что им утопленника река из того леса вынесла, да по описанию точь-в-точь муж Ясночкин. А после с другого села: что не утоп он, а ушел с купеческой дочкой в город. В общем, разное говорили, так правды никто и не добился, но мужа у Ясночки не стало. С той поры косо смотреть принялись на Ясну на селе да стороной дом обходить. Родители ее с горя захворали и по зиме померли, а весной весь выселок сгорел, совсем одна осталась. С той поры так и ходит в печали, людей сторонится, слова никому лишнего не скажет. И вроде девка хороша, чем не жена кому из наших, да только мне как-то и говорить с ней об этом совестно: столько горя хлебнула, поди о женихах и думать тошно. Да и ладно бы, сватался кто всерьез, так нет, только таращатся, а как историю ее узнают, прочь и идут.

— Отчего же не сватаются? — удивился Гришук. — Мало ли что народ болтает! Сгинул и сгинул муж, небось по пьяни утоп. Коли есть охота замужем быть, отчего одной сидеть?!

— Да поди разбери, есть у нее охота али нет, — развел руками Епифан. — Живет тихонько, ото всех прячется, на село не ходит. А там уж болтать стали всякое: женихов схоронила, мужа, родителей, весь выселок, а он там большой был, не чета нашему. Вот и говорят, что беда за ней ходит, да в свой дом привести боятся.

— Лишь бы языком трепать людям! — стукнул Гришук по столу так, что квас выплеснулся. — Глупости это все, не боюсь я! Отдай мне Ясну!

Епифан улыбку в бороде спрятал, а сам вздохнул:

— Жалко мне девку, Гришук, непростая судьба у нее. Ты походи, как водится, подружи, а там коли полюбит тебя Ясна — забирай, с приданым, как обещал, не поскуплюсь. А ежели не по сердцу ей придешься — не взыщи, неволить ее не стану, — он кивнул на разложенные на столе шкуры. — Так что давай — девка девкою, а шкуры шкурами.

Гришук про шкуры уж и думать забыл, все глаза ясные вспоминал да имя губами ласкал. Будто знакомо оно ему, а откуда — никак не вспомнить.

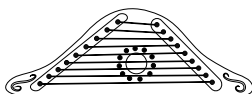
— Пусть лисицы подарками дочкам на свадьбу будут, а соболя и куницу по старой цене отдам.

Епифан рассмеялся, объятая медвежьи распахнул:

— Ай, спасибо, Гришук! Любо дело с тобой иметь! Дай боже, и с Ясночкой у вас все сложится, тогда уж совсем спокоен буду: всех дочек пристрою, на покой можно будет. — Епифан отпустил Гришука и вдруг нахмурился. — Только смотри, друг милый, неволить не смей да до греха не доводи, как за родную дочь спрос будет.

— Да нешто такую славу я на селе заслужил! — обиделся Гришук.

— Ну-ну, не гневись, Гришутка! — Епифан поднял руки в знак примирения и по-доброму посмотрел на гусяра. — Любовь что хмель: так порой в голову ударяет, что и сам себя не узнаешь.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ПРОЛОГ.....	6
ЗАЧИН.....	8
ГЛАВА 1.....	10
ГЛАВА 2.....	17
ГЛАВА 3.....	23
ГЛАВА 4.....	29
ГЛАВА 5.....	37
ГЛАВА 6.....	44
ГЛАВА 7.....	51
ГЛАВА 8.....	57
ГЛАВА 9.....	63
ГЛАВА 10.....	69
ГЛАВА 11.....	76
ГЛАВА 12.....	81
ГЛАВА 13.....	85
ГЛАВА 14.....	90
ГЛАВА 15.....	95
ГЛАВА 16.....	99
ГЛАВА 17.....	104

Песня для Девы-Осени

ГЛАВА 18.....	108
ГЛАВА 19.....	113
ГЛАВА 20.....	118
ГЛАВА 21.....	123
ГЛАВА 22.....	128
ГЛАВА 23.....	135
ГЛАВА 24.....	140
ГЛАВА 25.....	145
ГЛАВА 26.....	151
ГЛАВА 27.....	157
ГЛАВА 28.....	164
ГЛАВА 29.....	169
ГЛАВА 30.....	174
ГЛАВА 31.....	179
ГЛАВА 32.....	183
ГЛАВА 33.....	188
ГЛАВА 34.....	194
ГЛАВА 35.....	198
ГЛАВА 36.....	207
ГЛАВА 37.....	215
ГЛАВА 38.....	224
ГЛАВА 39.....	231
ГЛАВА 40.....	237
ГЛАВА 41.....	241
ГЛАВА 42.....	254

Елена Абрамкина

ГЛАВА 43.....	263
Эпилог.....	269
ПЕСНИ	
Ясны и Гришука.....	270

Елена Абрамкина
Песня для Девы-Осени

<i>Ответственный редактор</i>	<i>София Папикян</i>
<i>Выпускающий редактор</i>	<i>Галина Логвинова</i>
<i>Корректор</i>	<i>Татьяна Слепова</i>
<i>Верстка:</i>	<i>Анастасия Грищенко</i>

- RU Песня для Девы-Осени.** Формат: 60х90/16. Тираж 4 000 экз. Заказ №
Издатель и изготовитель: ООО «Феникс». Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, д. 150. Тел./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Изготовлено в России. Дата изготовления: 01.2026. Срок годности не ограничен. Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография», Филиал «Дом печати – ВЯТКА». Юридический адрес: 124498, Россия, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Старое Крюково, г. Зеленоград, пр-кт Георгиевский, д. 5, помещ. 8/1Т. Фактический адрес: 610033, Россия, Кировская область, г. Киров, ул. Московская, д. 122.
- KZ Девы-Осени үшін ән.** Форматы: 60х90/16. Таралымы 4 000. Тапсырыс №
Баспагер және дайындаушы: «Феникс» ЖШҚ. Заңды және нақты мекенжайы: 344011, Ресей, Ростов обл., Дондағы Ростов қ., Варфоломеев к-сі, 150 үй. Тел/факс: (863) 261-89-65, 261-89-50.
Ресейде дайындалған. Дайындалған күні: 01.2026. Жарамдылық мерзімі шектелмеген. Басылды «Первая Образцовая типография» АҚ, «Дом печати – ВЯТКА» филиалы. Заңды мекенжайы: 124498, Ресей, Мәскеу Қ., Старое Крюково ішкі қалалық муниципалды округы, Зеленоград қ., Георгиевский даңғылы, 5 үй, 8/1Т үй-жай. Нақты мекенжайы: 610033, Ресей, Киров облысы, Киров қ., Московская к-сі, 122 үй.
- BY Песня для Девы-Осени.** Формат: 60х90/16. Тираж 4 000 экз. Заказ №
Выдавец і вытворца: ТАА «Феникс». Юр. і факт. адрас: 344011, Расія, Растоўская вобл., г. Растоў-на-Доне, вул. Варфаламеева, д. 150. Тэл./факс: (863) 261-89-65, 261-89-50. Выраблена ў Расіі. Дата вырабу: 01.2026. Тэрмін прыдатнасці не абмежаваны. Надрукавана ў АТ «Первая Образцовая типография», Філіял «Дом печати – ВЯТКА». Юрыдычны адрас: 124498, Расія, г. Масква, вн. цёр. г. муніцыпальная акруга Старое Крюкава, г. Зеленаград, пр-кт Георгіеўскі, д. 5, памяшч. 8/1т. Фактычны адрас: 610033, Расія, Кіраўская вобласць, г. Кіраў, вул. Маскоўская, д. 122.